

Епископ Виссарион

**Уроки покаяния в Великом
каноне св. Андрея Критского,
заимствованные из
библейских сказаний**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Е67

Е67 **Епископ Виссарион**
Уроки покаяния в Великом каноне св. Андрея Критского, заимствованные
из библейских сказаний / Епископ Виссарион – М.: Книга по Требованию,
2017. – 338 с.

ISBN 978-5-458-56708-4

ISBN 978-5-458-56708-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

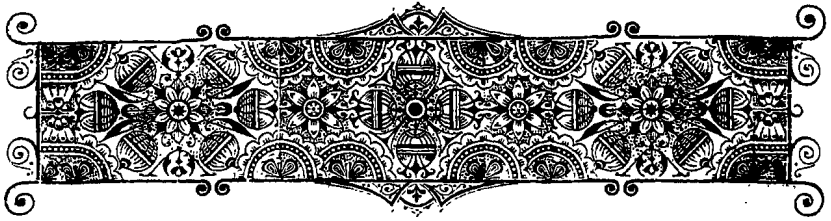
www.samizday.ru/reprint

понятныхъ вещей, но главнымъ образомъ споспѣшествовать покаянному и молитвенному настроенію души чрезъ духовно назидательныя размышленія, вводящія въ духъ великаго творенія Критскаго святителя. Въ видахъ назиданія будемъ останавливать вниманіе и на тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ библейскія событія примѣняются такъ ясно, что разъясненіе отношенія ихъ къ душѣ не представляетъ особенной трудности.

Въ объясненіяхъ мы будемъ держаться церковно-славянскаго текста великаго канона, но въ неясныхъ мѣстахъ прибѣгать къ греческому тексту и къ двумъ переводамъ на русскій языкъ этого канона съ греческаго, изъ которыхъ одинъ—исполненъ профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи Ловягинымъ, изд. 1861 г., другой—протоіереемъ М. Богословскимъ, изд. 1873 г. Будемъ имѣть въ виду также новый церковно-славянскій переводъ этого канона, сдѣланный преосвященнымъ Августиномъ и напечатанный въ *Душеполезномъ Читеніи* (1882 г., февральская книжка, стр. 232—260).

Въ великомъ канонѣ библейскія событія приводятся не всегда въ хронологической послѣдовательности. Мы будемъ приводить стихи великаго канона въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали одно за другимъ событія, указываемыя въ этихъ стихахъ.

Адамъ и Ева.

Бреніе Здатель живосоздавъ, (подобно скудельнику, Боже ты образовалъ персть и оживотворить ее), вложилъ еси мнѣ плоть и кости, и дыханіе и жизнь. Но, о Творче мой и Избавителю и Судіе, кающася пріими мя.

Грѣшникъ благодарно исповѣдуетъ великую милость къ нему Господа въ томъ, что Господь даровалъ ему въ лицѣ Адама бытіе и жизнь. Поистинѣ великая милость. Ибо чѣмъ былъ человѣкъ до сотворенія? Онъ былъ бреніемъ, перстію, прахомъ земнымъ. Но милосердый Господь, желая имѣть причастниковъ своей благодати, воззвалъ его къ бытію изъ праха. Единственно по своей благодати, единственно силою своей воли, Онъ подобно горшечнику, работающему изъ глины сосуды, далъ этому праху образъ человѣческой съ плотію и костями, одушевилъ этотъ образъ своимъ божественнымъ дыханіемъ и жизнію. И вотъ явилось на землѣ живое существо, по душѣ немногимъ чѣмъ умаленное предъ ангелами, одаренное образомъ и подобіемъ Божиимъ, то-есть богоподобною духовною и безсмертною природою, богоподобными духовными силами и совершенствами,—предназначенное къ безсмертію по самому тѣлу, облеченное господствомъ надъ всѣми земными тварями. Человѣку, воззванному къ жизни съ такими богатыми дарами, оставалось пользоваться жизнію во славу Божию и правильнымъ, согласнымъ съ волею Божіею употребленіемъ данныхъ ему силъ споспѣшествовать своему блаженству и благу, подвластныхъ ему тварей. Къ сожалѣнію, человѣкъ не устоялъ на высотѣ, на ко-

торой поставленъ Творцемъ. Онъ позабылъ, что воззванъ къ бытію изъ праха земнаго, что всѣми своими совершенствами и преимуществами онъ обязанъ единственно милости Божіей и можетъ быть счастливъ только подъ условіемъ тѣснѣйшаго общенія съ Богомъ, смиренной покорности Ему. Онъ возмечталъ сдѣлаться равнымъ своему Творцу по власти и силѣ, подумалъ, что можетъ быть блаженнымъ и зажечь новую, болѣе счастливою жизнію, внѣ общенія съ Богомъ. Онъ жестоко обманулъ въ своихъ расчетахъ. Преступленіемъ заповѣди Божіей, онъ не только не достигъ того, чего надѣялся достигнуть, но еще заслужилъ праведный гнѣвъ Божій. Ему осталось теперь одно: принести повинную предъ Богомъ, раскаяться въ своей тяжкой винѣ предъ Нимъ и умолять Его о помилованіи. Такъ и поступилъ Адамъ; такъ поступаетъ и всякій не желающій себѣ погибели грѣшникъ.

Прими мя кающася, взываетъ онъ къ Господу. Умоляю о себѣ Тебя, какъ моего *Творца, Избавителя и Судію*. Ты мой *Творецъ*; не погуби же во гнѣвѣ твоего созданія, украшеннаго твоимъ образомъ и подобіемъ, хотя помрачившаго грѣхомъ черты своего богоподобія, своего духовнаго родства съ Тобою.—Ты *Избавитель мой*, ибо не презрѣлъ меня неблагодарнаго и мятежнаго. но по неизреченному милосердію послалъ Единороднаго Сына Твоего на землю для искупленія честною кровію всякаго вѣрующаго. Вѣрую, Господи, въ искупительную силу крестной смерти Сына твоего; прими мою вѣру и съ вѣрою приносимое Тебѣ покаяніе.—Ты мой *Судія*, предоставившій Единородному Сыну твоему осудить на вѣчныя муки нераскаянныхъ грѣшниковъ. Я не принадлежу къ числу ихъ,—я каюсь предъ Тобою,—прими мя кающагося и избавь меня отъ вѣчнаго осужденія и муки.

Первозданнаго Адама преступленію поревновавъ, познавъ себе обнажена отъ Бога и присносущнаго царствія и сладости, грѣхъ ради моихъ.

Преступленіе Адама состояло въ преслушаніи воли Божіей, выраженной въ извѣстной заповѣди. Потомки Адама, наслѣдовавшіе отъ него, путемъ естественнаго рожденія, грѣховную

природу, умножаютъ это несчастное настѣдїе еще произвольными, личными грѣхами, и въ семь отношенїи примѣромъ своего праотца увлекаются до ревности, до соревнованїа ему, какъ-бы опасаясь остаться позади его на пути грѣха. Вообще примѣръ имѣеть увлекающую силу, такъ что если вникнемъ въ происхожденїе нашихъ личныхъ грѣховъ, большая часть ихъ окажется плодомъ подражанїа чужимъ примѣрамъ. Такъ примѣръ грѣха заразительно дѣйствуетъ на дѣтей. Напрасно стали бы родители внушать имъ правила нравственнаго благоповеденїа, которымъ сами не слѣдуютъ: такїа внушенїа, не оправдываемыя примѣромъ, неубѣдительны для дѣтей. Примѣромъ грѣха увлекается человекъ иногда вопреки своей совѣсти. И соглашается онъ, что не хорошо то или другое дѣло, и въ то же время оправдываетъ себя примѣромъ другихъ. Другїе, напримѣръ, злонамѣренно объявляютъ себя несостоятельными должниками: почему и мнѣ, разсуждаетъ иной, не рѣшиться на тоже? Другїе поджигаютъ свои дома въ надеждѣ съ лихвою вознаградить себя за эту потерю страховыми деньгами. Другїе постовъ не соблюдаютъ, праздниковъ не чтутъ, уклоняются отъ молитвы домашней и церковной, стыдятся при людяхъ осѣнить себя крестнымъ знаменїемъ и т. п.—и все это люди порядочные, имѣющїе вѣсь въ обществѣ: отъ порядочныхъ людей отставать не слѣдуетъ.—Но горе не только подающимъ худой примѣръ,—они отвѣтятъ передъ Богомъ не за себя только, но и за тѣхъ, которые подражаютъ ихъ примѣру, ревнуютъ чужимъ грѣхамъ начиная съ преступленїа Адамова,—горе и послѣднимъ! Они не могутъ сложить свою вину на иныхъ. Самъ Адамъ, увлеченный къ преступленїю примѣромъ жены, не нашель однако оправданїа въ томъ, что ссылаясь на жену. Не людскїе обычаи, противныя заповѣдямъ Божиимъ, должны служить для насъ руководствомъ, а заповѣди Божїи.—Какъ бы, однако, ни было, Адамъ, преступленїю котораго ревнуютъ грѣшники, созналъ свою неправоту предъ Богомъ. Онъ понялъ вмѣстѣ съ женою, что они *наги* (Быт. 3, 7), т.-е. утратили свою невинность, въ состоянїи которой они не чувствовали своей наготы,—и съ невинностію утратили право на благоволенїе Божїе и на вѣчное пребыванїе въ раю сла-

дости. Подобно Адаму, и каждый грѣшникъ, поревновавшій ему въ преступленіи, долженъ говорить: *познахъ себе обнажена отъ Бога, и присносущнаго царствія и сладости, грѣхъ ради моихъ*: я испытываю тоже, что испыталъ Адамъ, которому подражаю въ преступленіи;—чувствую подобно ему свою вину предъ Богомъ, свою внутреннюю наготу, свою безотвѣтность предъ Нимъ, не имѣя въ виду ничего такого, что могло бы прикрыть мою вину,—и потому признаю себя недостойнымъ Его общенія со мною и вѣчнаго блаженства въ царствіи небесномъ.

— — — — —

Увы мнѣ, окаянная душе, что удобился еси первыи Евъ, видѣла бо еси зль, и уязвилася еси горькѣ, и коснулася еси древа, и вкусила еси дерзостно безсловесныя смѣди (Быт. 3, 6).

Тяжко грѣхопаденіе Адама; но его предупредила въ совершеніи грѣха Ева. Дерево познанія добра и зла, насажденное въ раю для испытанія нашихъ прародителей въ послушаніи Творцу, послужило для Евы поводомъ къ обнаруженію непослушанія. Змій увѣрялъ Еву, что съ вкушеніемъ плодовъ этого дерева она и мужъ ея сдѣлаются равными Богу по всевѣдѣнію и не будутъ имѣть нужды въ руководствѣ Его. Ева повѣрила коварнымъ рѣчамъ змія и стала смотрѣть на дерево другими глазами, чѣмъ доселѣ. Доселѣ воззрѣніе на него возбуждало въ ней одно благоговѣніе къ Богу, къ Его всевластной и всеблагой волѣ. Теперь взлядъ ея измѣнился. Она посмотрѣла на дерево *зль*, то-есть преступно,—съ преступнымъ невѣріемъ въ угрозу Господа смертію за вкушеніе отъ плодовъ дерева,—съ преступнымъ желаніемъ равенства съ Богомъ и независимости отъ Него,—съ преступною чувственною алчностью. Запрещенное дерево показалось ей во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ,—она прельстилась на красоту его, словно рыба на приманку насаженную на уду,—и *горькѣ уязвилася*. Она *коснулася древа и дерзостно безсловесныя смѣди*. Снѣдъ отъ запрещеннаго дерева обѣщала ей множество благъ—и чувственное удовольствіе для вкуса, и духовное многовѣдѣніе, равное всевѣдѣнію Божію, и полнѣйшую вслѣдствіе сего независимость отъ Бога; но Ева

горько ошиблась. Снѣдь оказалась *безсловесною*,—точнѣе—обманчивою. Вкусившіе отъ нея наши прародители узнали, что они обмануты змѣемъ. Очи ихъ, согласно обѣщанію змія, дѣйствительно открылись, но не для свойственнаго Богу разумѣнія добра и зла безъ порабощенія злу, а для одного горькаго уразумѣнія своей нравственной порчи: *уразумѣла, яко нази быша*. Утрата непорочности сопровождалась въ нихъ стыдомъ при взглядѣ на свою наготу. Исторія паденія Евы повторяется въ каждой грѣшной душѣ, какъ это яснѣе открывается въ слѣдующемъ стихѣ. Какъ окаянна, какъ жалка душа, уподобляющаяся въ этомъ отношеніи Евѣ, вмѣсто того, чтобы въ несчастномъ примѣрѣ ея найти предостереженіе отъ подражанія ей!

Вмѣсто Евы чувствєнная мыслєнная ми бытъ (возстала во мнѣ) *Ева, во плоти страстный помысль, показуяи сладкая, и вкушаяи присно горькаго напоенія.*

Адамъ увлеченъ былъ ко грѣху Евою, ея примѣромъ и внушеніями. Равно и каждого изъ насъ влечетъ ко грѣху мыслєнная Ева, т. е. страстный плотскій помысль. Помысль о грѣхѣ можетъ быть безстрастнымъ въ томъ случаѣ, если мы только разсуждаемъ о грѣхѣ, о его происхожденіи, свойствахъ, видахъ, послѣдствіяхъ, разсуждаемъ какъ свойственно моралисту, — также если этотъ помысль произвольно приражается къ душѣ, но не оставляетъ въ ней слѣда, и тотчасъ же забывается или отражается силою воли. Въ томъ и другомъ случаѣ помысль о грѣхѣ не есть еще грѣхъ и не ведетъ къ отвѣтственности. Но иное дѣло тѣ помыслы о грѣхахъ, которые мы вызываемъ въ душѣ съ нечистою цѣлю, или которымъ мы соулаждаемъ, которымъ отдаемся съ сочувствіемъ, безъ всякой борьбы. Это уже страстные помыслы: они находятъ себѣ пищу и опору въ нашей *плоти*,—въ растлѣнной грѣхомъ природѣ не только тѣлесной, но и духовной, ставшей въ служебное отношеніе къ чувственности, вмѣсто того, чтобы господствовать надъ ней, и поработившей себя земнымъ, чувственнымъ влеченіямъ, до забвенія потребностей духовныхъ (Рим. 7, 14. 18). Горе ду-

шѣ, предавшей себя плотскому страстному помыслу! Онѣ „показуетъ ей сладкое, но при вкушеніи всегда напояетъ горечью“. Каждая страсть сама по себѣ горька, болѣзненна. Потому и называется она страстію, что соединена съ страданіемъ, съ горечью, съ мученіемъ. Мучится душа, когда страсть не удовлетворена. Съ удовлетвореніемъ страсти должно бы, повидимому, прекратиться это мученіе, и наступить для души радость и довольство. Эту радость и довольство и обѣщаетъ ей страстный помыслъ и тѣмъ толкаетъ ее на совершеніе грѣха, какъ натолкнулъ онѣ на грѣхъ Еву. Но какъ Ева жестоко обманулась въ своей надеждѣ получить удовольствіе и блаженство отъ вкушенія запрещеннаго плода, такъ обманывается въ своихъ расчетахъ каждый грѣшникъ, мечтающій вкусить въ грѣхѣ сладость. Если и вкушаетъ онѣ ее, то на краткое время. Затѣмъ слѣдуетъ горечь,—отъ терзаній совѣсти, покуда страсти не заглушили ее, отъ скуки и пустоты душевной, неизбѣжной послѣ удовлетворенія страсти. Къ этому присоединяется вредъ для тѣла и для внѣшняго благосостоянія. Такъ страсть невоздержанія доводитъ до разстройства здоровья, до разоренія, до скоростыжной смерти. Любострастіе истощаетъ тѣлесныя силы и потрясаетъ семейный миръ. Страсть къ обогащенію портитъ кровь, лишаетъ сна. Честолюбіе сопровождается тѣми же послѣдствіями. Страсть къ пересудамъ, мстительность вводитъ въ непріятныя столкновенія съ людьми, и т. п. Поистинѣ страстный плотскій помыслъ вмѣсто обѣщаемой сладости напояетъ грѣшника одною горечью.

Осквернихъ плоти моя ризу и окаляхъ еже по образу, Спасе, и по подобію.

Риза плоти значитъ риза или срачица плотяная, или самая плоть, какъ риза. Плоть дѣйствительно есть риза въ отношеніи къ душѣ: душа соединена съ плотію, облечена въ нее, какъ тѣло въ одежду. Названіемъ плоти ризою души дѣлается намекъ на превосходство души предъ тѣломъ. Ибо если не тѣло создано для одежды, а одежда устроится для тѣла, то и душа существуетъ не для тѣла, а тѣло для души.

Пусть примутъ это къ свѣдѣнію люди, живущіе въ плоть, высшее благо жизни поставляющіе въ томъ, чтобы только тѣлу было хорошо,—въ одномъ тѣлесномъ здоровьѣ, въ сытости, въ чувственныхъ удовольствіяхъ, во внѣшнихъ житейскихъ удобствахъ, а о душѣ и ея спасеніи не помышляющіе: они превращаютъ порядокъ отношеній души и тѣла.—Въ состояніи невинности первыхъ людей тѣло было чистымъ судомъ чистой души. Съ утратою чистоты душевной стало нечистымъ и тѣло. Къ тѣлу пристала нечистота души, какъ нечистота тѣлесная пристаётъ къ одеждѣ. Рука, святотатственно простертая къ плоду запрещенному, гортань и чрево, принявшія этотъ плодъ, осквернились и осквернили се тѣло, ибо съ той минуты началась въ тѣлѣ работа тлѣнія и смерти. Вмѣстѣ съ жизнію каждый изъ насъ наследовалъ отъ Адама и эту скверну и умножаетъ ее новыми грѣховными сквернами. Плачевно состояніе грѣшника по тѣлу, но еще плачевнѣе по душѣ. Тѣло мое потому явилось нечистымъ, что я *окалялъ ея по образу и по подобію*,—т. е. душу, созданную по образу и подобію Божію. Душа богоподобна по своему существу, ибо подобно Богу она духовна и бессмертна,—по силамъ, ибо въ ея разумѣ и свободѣ отражаются черты высочайшаго ума и воли Божіей,—по своимъ отношеніямъ къ міру, ибо надѣлена властію надъ земными тварями. Всѣ эти черты образа Божія потускнѣли подъ слоемъ духовной скверны: грѣхъ *окалялъ* богоподобную душу. И не узнаешь души въ скотоподобномъ, преданномъ плотоугодію, міролюбію, заблужденіямъ и т. п. существѣ. Каждому грѣшнику свойственно предъ Господомъ исповѣдывать себя нечистымъ по тѣлу и душѣ и просить у Него благодати слезъ для смытія этой нечистоты.

Раздрахъ нынѣ одежду мою первую, юже мы истка Зиждитель изначала, и оттуду лежу нагъ.

Подъ одеждою здѣсь, какъ и въ предшествующемъ стихѣ подъ ризою, разумѣется плоть—одежда души. Плоть первозданнаго человѣка была недоступна поврежденію. Питаясь плодами древа жизни, она цвѣла здоровьемъ, свѣ-

жестью, не знала утомленія, не страдала ни отъ холода, ни отъ зноя. Вкушеніемъ запрещеннаго плода Адамъ внесъ въ свое тѣло сѣмя поврежденія. Его тѣло стало походить на разодранную одежду, сквозь которую видно нагое тѣло. Плоть утратила свое совершенство съ утратою совершенствъ души. Плоть стала отражать, какъ бы въ зеркалѣ, состояніе надшеи души. Сквозь тѣло, какъ черезъ щели разодранной одежды, стала виднѣться нагота души, нравственная бѣдность ея. Съ утратою непорочности, она осталась безъ благодати Божіей и вмѣсто того, чтобы господствовать надъ тѣломъ, подчинилась его вліянію: она стала чувствительна къ болѣзнямъ тѣла, къ неблагопріятнымъ на него дѣйствіямъ стихій, стала пренебрегать духовными своими потребностями,—и главною изъ нихъ—общеніемъ съ Богомъ. И эту-то духовную наготу, или обнищаніе исповѣдуетъ вслѣдъ за Адамомъ грѣшникъ, когда говоритъ: *раздрахъ одежду мою первую..., и лежу нагъ.*

Облекохся въ разодранную ризу, юже изтка ми зміи совѣтомъ (коварствомъ), и стыждуся.

Тѣло прародителей по паденіи сохранило свою природу; но поврежденіе, вошедшее въ него, было такъ велико, что не легко было узнать въ немъ дѣло рукъ Божіихъ. Въ поврежденномъ состояніи оно явилось неблагообразною одеждою души, сотканною коварствомъ діавола. Коварство его въ этомъ случаѣ состояло въ томъ, что онъ не самъ непосредственно, а руками нашихъ прародителей соткалъ эту одежду. И стыдно стало имъ, что они сдѣлались жертвою его коварства. Въ нихъ заговорило чувство чести, поруганной зміемъ; имъ обидно стало, какъ это они такъ оплошали, что повѣрили обѣщаніямъ змія, дались ему въ обманъ. Имъ стыдно стало вмѣстѣ другъ друга, потому что при взглядѣ на наготу другъ друга въ нихъ легко воспламенялись беспорядочныя чувственныя влеченія. Имъ еще стыдно было того жалкаго состоянія, въ которомъ умъ ихъ пересталъ господствовать надъ чувственностію и уступилъ первѣсь животныхъ чувственнымъ влеченіямъ. Чувство стыда